

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ В «ИСТОРИИ ПРОТИВ ЯЗЫЧНИКОВ» ПАВЛА ОРОЗИЯ

И.А. Миролубов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
peter-herzog@yandex.ru*

Аннотация. Павел Орозий адресовал свою универсальную историю в семи книгах язычникам; его основная задача состояла в демонстрации благотворного влияния христианства на мировой исторический процесс. Сочинение было написано спустя век после эпохи Константина, и христианский автор располагал к этому моменту весьма внушительной источниковой базой, которая дала ему возможность повествовать о времени и личности первого христианского императора достаточно информативно. Однако, в силу фиксации в нарративной традиции целого ряда откровенно неприглядных моментов из биографии Константина (темное происхождение, участие в кровавых междоусобных войнах за единоличную власть, убийство родственников, неясная позиция по поводу арианской ереси), задача историка усложнилась. Обращаясь к враждебно настроенной аудитории, Орозий был лишен возможности «исправлять» и приукрашивать общеизвестные факты, в связи с чем он провел кропотливую работу по расстановке нужных акцентов, в результате чего созданный им образ Константина отвечал требованиям как исторической объективности, так и идеализации.

Труд Орозия до сих пор не рассматривался крупными исследователями истории Константина как информативный источник, хотя анализ созданного Орозием образа первого христианского императора может помочь в понимании оценки эпохи и личности Константина в сознании римлян периода Поздней империи. На сегодняшний день произведение Орозия на предмет упомянутой проблемы было рассмотрено в статье отечественного ученого И.Ю. Ващевой, однако, задействованное наряду с другими произведениями христианских авторов данного периода, оно не привлекло исследовательского внимания на достаточно глубоком уровне.

Ключевые слова: древний Рим, Римская империя, Павел Орозий, Константин Великий, раннее христианство, император, идеология

Введение

«История против язычников» Павла Орозия – одно из наиболее значимых сочинений не только христианско-апологетической, но и в целом римской литературы. Оно родилось в связи с общей кризисной ситуацией на западе Римской империи в начале V в. Орозий взялся за написание своей работы по заданию Аврелия Августина, осознававшего необходимость создания масштабного исторического

Миролубов Иван Андреевич – аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

произведения, где прошлое человечества рассматривалось бы с христианских позиций, – такое сочинение должно было стать ответом на нападки язычников, возлагавших вину за общее кризисное положение империи на христиан¹.

Композиционно выделенным моментом в сочинении Орозия является время правления Константина Великого. Учитывая то, что мировая история разделена Орозием на две эпохи – «дохристианскую» и «христианскую», можно заметить, что Константин является одной из ключевых фигур в историческом процессе: первый официально принявший христианство правитель Римского государства, покаравший императоров-гонителей, он отмечает своей эпохой линию водораздела между старой, где христианство притеснялось, и новой, христианской, империями². В этой связи небесполезно рассмотреть, как первый христианский историк такого масштаба рассматривал личность и правление Константина, жизнь которого имеет и свои черные страницы. Стоит сказать, что сочинение Орозия весьма слабо разработано специалистами по истории Константина. Так, Ч.М. Одал в своей фундаментальной монографии причисляет Орозия к скудным с точки зрения источниковой ценности эпитоматорам³; Б. Блекманн в очерке об источниках по истории Константина не посвятил Орозию ни слова⁴. Из отечественных работ, где Орозий рассматривается в связи с эпохой Константина, стоит отметить статью И.Ю. Ващевой. После конспективного рассмотрения текста самого Орозия автор приходит к выводу, что образ Константина в указанном произведении «закончен и непротиворечив», а «все сомнительные моменты биографии» тщательно обойдены⁵. На наш взгляд, повествование Орозия заслуживает большего внимания на предмет понимания его целей и задач, а также уяснения сделанных им акцентов и принципов компоновки материала.

Приступая к изложению истории правления Константина, Орозий сообщает, что он был сыном императора Констанция Хлора и его конкубины Елены (Hist. VII.25.16). Происхождение Константина составляет серьезную проблему для исследователя. Еще Гиббон, отмечая сложность исследовательской задачи по определению статуса матери Константина, стремился защищать «законность» ее брака⁶. Решение этого вопроса, однако, не входит в круг наших задач; заметим лишь, что Лактанций и Евсевий, т.е. наиболее ранние авторы, сообщающие о Константине и его современники, стараются обходить тему брака Констанция и Елены, представляя Константина в первую очередь сыном своего отца. Если у Лактанция Елена не упомянута вовсе, то Евсевий вводит ее в повествование уже о более позднем этапе жизни Константина. Максимальный акцент эти авторы делают на факте передачи власти из рук отца в руки сына, в дополнительной степени легализуя положение Константина и его претензии на власть⁷.

Сомнения в существовании законного брака между Констанцием и Еленой имели место⁸, и в этом смысле весьма примечательно, что христианский автор

¹ Zecchini 2003, 320; Тюленев 2004, 11–12.

² Тюленев 2004, 69.

³ Odahl 2010, 7.

⁴ Bleckmann 2006, 14–31.

⁵ Ващева 2013, 48.

⁶ Гиббон 2008, 588.

⁷ Буркхардт 2003, 257.

⁸ Leadbetter 2002, 78–79.

Иероним в своей «Хронике» называет Елену «конкубиной» Констанция (Chron. s.a. 306), тем самым резко понижая статус Константина. Орозий, использовавший сочинение Иеронима в качестве одного из источников информации⁹, решил проблему законности брака родителей Константина в оригинальном ключе. Вслед за Иеронимом признав Константина сыном конкубины, он уже в следующем предложении патетично замечает, что «Константин принял от отца кормило власти (gubernacula imperii), которое с величайшим счастьем удерживал тридцать один год» (Hist. VII. 26.1). Не решаясь вставать на зыбкую почву спора относительно законности брака, Орозий сразу акцентирует внимание читателя на факте признания Констанцием Константина в качестве сына и наследника. Чтобы окончательно расположить читателя в пользу своего героя, он подчеркивает, что Константин оправдал решение отца долгим и счастливым правлением. Однако прежде чем перейти к истории Константина, Орозий делает достаточно пространное отступление, в котором суммирует все основные вехи из истории христианской церкви в эпоху гонений. Таким образом, читатель, благоприятно расположенный к Константину, подготовлен автором к описанию эпохи мира, который должен был быть водворен указанным императором в пределах круга земного.

Большую часть своего правления (306–324 гг.) Константин провел, занятый войной против своих соперников и соправителей¹⁰. Мира не было ни в делах гражданских, ни в делах церковных, так как целый ряд противников Константина был настроен по отношению к христианам весьма недоброжелательно. Осознавая, что восемнадцать лет гражданских войн и непрочных перемирий достаточно сложно ассоциировать с миром, Орозий старается должным образом расставить акценты. Так, к примеру, он не только не отрицает, но даже рассказывает нам о пост-тетрархальных гражданских войнах, однако свой рассказ предваряет следующим сообщением: «Константин в Галлиях весьма действенно управлял государством...» (Constantino in Galliis strenuissime rempublicam procurante... – VII. 28.5). Вся парадоксальность этой фразы заключается в том, что Константин, контролировавший на тот момент только «Галлии» (Галлию и Британию), у Орозия одновременно с этим «управляет государством». Историк усиливает эффект за счет того, что известие о Константине в виде абсолютного аблатива включено в предложение о провозглашении императором Максенция, между тем как именно это провозглашение пятого на тот момент¹¹ императора и стало формальной причиной краха тетрархии как системы. Таким образом, «деятельное правление государством» Константина противопоставляется Орозием общеполитическому хаосу. При этом автора нельзя упрекнуть в подтасовке фактов в пользу Константина, так как тот в первый период своего правления (306–312 гг.), балансируя между борющимися группировками, оставался в стороне от прямого участия в боевых действиях на чьей-либо стороне и предпочитал роль наблюдателя¹².

⁹ Тюленев 2005, 149.

¹⁰ Сергеев 1938, 668.

¹¹ Четыре императора составляли на тот момент тетрархальную коллегию: августи Галерий и Флавий Север и цезари Константин и Максимиан Даза. О хронологии тетрархии см.: Kienast 2004, 264–265.

¹² Моммзен 2002, 492.

На своем пути к единоличной власти Константин смог истребить в прямом смысле целый ряд реальных соперников и претендентов на титул императора. Автором христианской трактовки этого достаточно кровавого пути Константина к единоличной власти стал его современник, ритор Лактанций, сформулировавший свою концепцию в сочинении с говорящим названием «О смерти гонителей». Схема была проста: «хорошему» Константину противопоставлялись все прочие императоры и узурпаторы, основным прегрешением которых являлось учреждение или разжигание гонений¹³. Орозий принимает эту концепцию¹⁴, однако его изложение указанных событий не наполнено свойственным Лактанцию полемическим пылом. Рассказывая о череде гражданских войн, Орозий осознает, что хронологическую последовательность событий и имен правителей этого смутного периода вряд ли удастся представить в точном виде. К действиям Константина он обращается лишь тогда, когда это необходимо, т.е. когда сам Константин выступает прямым участником событий.

Первое такое событие – это конфликт между Константином и императором Максимианом Геркулием, отцом самопровозглашенного в Риме Максенция, некогда коллеги Диоклетиана. Узнав о мятеже своего сына, он, уже будучи пожилым человеком, решил вернуться к власти, однако отношения с сыном складывались непросто. Пытаясь найти твердую почву, он в 307 году выдал замуж за Константина свою дочь Фаусту¹⁵, однако рассорился и с зятем, против которого стал злоумышлять. Лактанций предлагает красочную историю того, как пожилой интриган пытался заручиться помощью дочери, которая неожиданно приняла сторону мужа, в результате чего коварные планы Максимиана были раскрыты, а сам он был вынужден совершить самоубийство (*De mort. pers.* 30). Отличная от официальной, где Максимиан, запертый в Массилии, отказался от очередного помилования и совершил самоубийство¹⁶, версия Лактанция, хотя и без художественных подробностей, была принята последующими авторами, в частности Евтропием и Иеронимом, на труды которых Орозий опирался; таким образом, его повествование не содержит каких-либо новых подробностей. Стоит, однако, обратить внимание на акценты и компоновку материала. Орозий до событий 310 года не сообщает о свадьбе Константина и Фаусты, но появление супруги императора в указанном месте диктовалось не только источниками, на которые Орозий опирался, но и необходимостью усилить негативность образа Максимиана. Сообщая о его «возвращении» к власти, Орозий не без иронии отмечает, что он, и без того уже гонитель, вдобавок превратился «из августа в тирана (т.е. узурпатора)» (*Oros. Hist.* VII. 28.9). Картину «падения» Максимиана как личности Орозий завершает предательством его собственной дочери (*per filiam deprehensus et proditus* – *Hist.* VII. 28.10). Эта семейная драма заставляет Орозия несколько иначе посмотреть на семейную политику Константина. В 324 г. Константин казнил сдавшегося ему Лициния, который был его соправителем, но также зятем и отцом племянника. И Евтропий (*Evtr. X.* 6.1), и Иероним (*Chron. s.a.* 323) отмечают, что Константин со-

¹³ Бокщанин 1982, 140.

¹⁴ Тюленев 2005, 209.

¹⁵ О датировке свадьбы: Barnes 1973, 41 (ft. 143).

¹⁶ Jones 1965, 64.

вершил эту казнь вопреки своей же клятве, которую дал сестре¹⁷. Орозий же оценивает поступок Константина прагматичнее своих информаторов: «но, наученный примером тестя своего, Геркулия Максимиана, чтобы он [Лициний – И.М.] на погибель государству не облачился бы [снова] в пурпур, его, ставшего частным лицом, [Константин] приказал убить» (Hist. VII. 28.20).

На фоне этих кампаний Константина совершенно меркнет у Орозия война против Максенция. Примечательны два обстоятельства: во-первых, Орозий, не возлагая вину за начало боевых действий ни на кого из участников, пишет, что война «вспыхнула» между императорами (*bellum civile exortum est* – Hist. VII. 28.16); во-вторых, ни единого слова наш христианский автор не посвящает знаменитому «видению Константина», описанному с разными подробностями у Лактанция и Евсевия. Это видение традиционно считается точкой начала «обращения» Константина, и тем удивительнее, что Орозий совершенно упускает из виду этот эпизод. Возможно, что это решение Орозия было связано с его нежеланием спорить со своими оппонентами-язычниками о природе чудесного.

Серьезной проблемой для историка Орозия стало изложение церковной политики Константина. На период «счастливейшего правления» первого христианского императора, кроме свирепства гонителей, выпадает еще и активная деятельность ересиарха Ария, сильно потрясшая церковный мир. Более того, сам Константин, собравший в 325 г. осудивший Ария Вселенский собор, далеко не всегда четко обозначал свою приверженность ортодоксальному направлению: подтверждением тому может служить возвращение Ария из ссылки в 330 г. и в свою очередь ссылка активного борца с Арием – св. Афанасия Александрийского. Достаточно проблематично с этической точки зрения и совершенное арианским епископом крещение Константина, по поводу которого Иероним пишет, что император был «обращен в арианство» (Chron. s.a. 337).

Сознавая все эти сложности, Орозий не стремится приукрасить деятельность Константина. Выход из сложившегося положения он находит, благодаря чисто композиционному приему: изложение учения Ария, а также его деятельность он освещает в рассказе о его сыне, Констанции II, который придерживался арианства¹⁸. Тем самым Орозий смог достичь двух целей: обелить Константина, а также списать все неудачи Римской империи на гнев Бога, вызванный ересью Констанция II. Ради хронологической точности автор еще сообщает о Никейском соборе и осуждении (Hist. VII. 28. 23–25). И.Ю. Ващева отмечает то обстоятельство, что Орозий не указывает собор в числе личных заслуг императора¹⁹, однако это не кажется нам удивительным: адресуя свою книгу «против язычников», автор должен был продумывать все композиционные моменты, чтобы не быть пойманным своими оппонентами. Упоминание об осуждении Ария Константином было бы явно не на руку Орозию, так как его оппоненты поставили бы ему на вид дальнейшую историю взаимоотношений императора и ариан. Во избежание этого Орозий решил вовсе исключить Константина из «истории Ария» как действующее лицо.

Из деяний Константина в сфере поддержки христианской церкви Орозий выделяет Миланский эдикт о веротерпимости, – император «даровал мир церквам»

¹⁷ Грант 1998, 269.

¹⁸ Тюленев 2005, 210.

¹⁹ Ващева 2013, 48.

(*pacem ecclesiis ... indulgit* – Hist. VII. 28.15), а также закрытие языческих храмов, которое, что немаловажно, прошло без гонений и убийств (Hist. VII. 28.28). Эта подробность эффектно выделяет «первого христианского императора» (т.е. «гонителя гонителей») на фоне преследователей христиан предыдущих лет. Обращает на себя внимание историка и основанный Константином Константинополь, «город его имени», который «единственный (из всех городов) был лишен идолов», благодаря чему, в противовес Риму с его кровавой историей, он быстро вознесся (Hist. VII. 28.27). Сообщая о Константинополе, Орозий идет в русле Евсевия, который первым объявил его свободным от язычества в своей «Жизни Константина» (*Vita Const.* III. 48). То, что в городе были языческие храмы и изображения богов, мы знаем благодаря Зосиму (Hist. Nov. II. 31.1-3); многочисленные памятники, конечно же и культового назначения, свозились в Константинополь, и это не могло быть известно в христианской среде, так как даже Иероним отмечает, что новый город «был освещен обнищанием почти всех городов» (*Chron.* s.a. 330). Таким образом, Евсевий сознательно приукрашивал ситуацию. Чем же объясняется молчание Орозия? Можно было бы полагать, что ко времени написания его «Истории...» город был уже христианизирован, однако это кажется весьма сомнительным, так как от Иоанна Малалы нам известно, что и в середине VI в. в Константинополе существовал культ статуи Константина, почитавшийся вместе с богиней Тихе (Malal. XIII, p. 322 Dindorf). Сознательное молчание с целью создать выгодный образ христианского императора, при всем внешнем удобстве этой версии, на самом деле весьма опасно для Орозия: он рискует быть пойманным на слове своими оппонентами-язычниками. На наш взгляд, причина кроется в том, что Орозий мог не быть в Константинополе: ни одно из известных нам его путешествий не затрагивает восточной столицы империи²⁰. Эта неосведомленность, а также нежелание точнее изучить «обнищание городов», упомянутое у Иеронима, и кажется нам наиболее приемлемым объяснением.

Наиболее проблемным эпизодом в биографии Константина было и остается убийство сына и жены. Вопрос до сих пор не решен в историографии и нередко служит поводом для критики морального облика Константина. Орозий, однако, в отличие от новейших исследователей, предпочел сообщить своему читателю истину, как будто никак ее не оценивая. Он пишет: «в свете этих деяний (*inter haec*) неясны причины того, что император Константин карающий меч и предназначенное нечестивцам возмездие обратил против родственников» (Hist. VII. 28.26). В числе убитых он называет сына Константина Криспа, рожденного до брака с Фаустой, а также сына Лициния – Лициниана, которого Орозий называет «сыном сестры», не упоминая отца Лициния, убийство которого он выше признал целесообразным. О жестоком убийстве жены, которая погибла годом позже, Орозий предпочитает промолчать и сразу же переходит к описанию подвигов Константина на военном поприще, вводя следующее предложение довольно нелепым *praeterea* («кроме того, сверх того»). Впечатление о растерянности Орозия, на наш взгляд, весьма обманчиво: здесь мы не можем не согласиться с И.Ю. Ващевой, что само по себе упоминание «наказания для нечестивцев» обнаруживает скрытые оценки²¹. На наш взгляд, здесь есть еще один очень важный акцент: Константин

²⁰ Тюленев 2004, 8–11.

²¹ Ващева 2013, 48.

сам представлен держащим «карающий меч», то самое орудие, которым император некогда усмирил гонителей. Таким образом, Константин, «первый христианский император», является орудием Бога, и, как следствие, его действия несут на себе особую печать, и их правильность совершенно не должна определяться людским пониманием. В этом ключе, как кажется, и следует понимать слова Орозия «*causae latent*» – «причины скрыты». Тот факт, что среди жертв не упомянута Фауста, мы не склонны объяснять умолчанием²², ведь в таком случае непонятно, почему автор не счел нужным умолчать про убийство сына. Вполне возможно, что здесь сказалась компиляторская безалаберность.

Заключение

Подводя итог нашему обзору, мы должны отметить, что рассказ Орозия о деятельности Константина, основанный на небольшом количестве источников, нам, к тому же, известных, не может быть информативным с точки зрения содержания в нем каких-то принципиально новых деталей. В этом мы вынуждены согласиться с вышеприведенными оценками современных исследователей. Однако сама по себе манера изложения и принципы компоновки материала весьма примечательны. С одной стороны, заинтересованный в том, чтобы создать положительный образ первого христианского императора, с другой, ограниченный краткостью изложения, которая предусмотрена самим жанром его сочинения, Орозий играет акцентами. Мы не можем согласиться с тем, что автор обходит «все сомнительные факты»²³ – мало того, что Константин у Орозия рожден вне законного брака, он к тому же убивает тестя, зятя и сына. Однако грамотная расстановка акцентов и игра полутонами позволяет Орозию показать Константина в наилучшем свете. Так, например, обработав сюжет с убийством тестя Максимиана, за которое Константин, кстати, в античной историографии не осуждали никогда, наш автор смог оправдать убийство Лициния, которое рядом авторов связывается с клятвопреступлением. Примечательно в этом смысле убийство сына, освещенное и у информаторов Орозия. Евтропий связывает преследования родных с тем, что Константин «изменился» после всех своих успехов (Врев. X. 6.3), а Иероним отмечает жестокость этого убийства (Chron. s.a. 326); у Орозия же, при внешней отстраненности от каких-либо суждений, Константин все равно представлен правым, а его жертвы – виноватыми. Таланта Орозия не хватило только на «арианскую линию», которую он вынужден был попросту вынести за рамки жизни Константина. Однако и этот ход, как мы отметили выше, был использован Орозием весьма удачно.

В итоге мы должны признать, что образ Константина у Орозия получился не только положительным, выдержанным во вполне христианском духе, но и одновременно живым, почти не приукрашенным. На фоне прочих христианских авторов, одни из которых, как Евсевий, тяготели к панегирику, другие, как Иероним, были весьма критичны, рассказ Орозия представляется наиболее сбалансированным и продуманным.

²² Ващева 2013, 49.

²³ Ващева 2013, 48.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокщанин, А.Г. 1982: *Источниковедение Древнего Рима*. М.
- Буркхардт, Я. 2003: *Век Константина Великого*. М.
- Ващева, И.Ю. 2013: Константин Великий: вариации образов в христианских историях поздней античности. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского* 4 (3), 46–58.
- Гиббон, Э. 2008: *История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи*. Т. I. М.
- Грант, М. 1998: *Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. – 476 г. н.э.* М.
- Сергеев, В.С. 1938: *Очерки истории Римской империи*. Т. II. М.
- Тюленев, В.М. 2004: Павел Орозий и его «История против язычников». В кн.: *Павел Орозий. История против язычников*. СПб.
- Тюленев, В.М. 2005: *Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского*. СПб.
- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29–46.
- Bleckmann, B. 2006: Sources for the History of Constantine. In: Noel Lenski (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. Cambridge, 14–31.
- Jones, A.H.M. 1965: *Constantine and the Conversion of Europe*. London.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Leadbetter, B. 2002: The illegitimacy of Constantine and the birth of the tetrarchy. In: Samuel N.C. Lieu and Dominic Montserrat (eds.), *Constantine. History, Historiography and Legend*. London–New York, 74–85.
- Odahl, Ch. M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Zecchini, G. 2003: Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: Gabriele Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden–Boston, 31–345.

REFERENCES

- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *The Journal of Roman Studies* 63, 29–46.
- Bleckmann, B. 2006: Sources for the History of Constantine. In: Noel Lenski (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. Cambridge, 14–31.
- Bokshchanin, A.G. 1982: *Istochnikovedenie Drevnego Rima*. Moscow.
- Burckhardt, J. 2003: *The Age of Constantine the Great*. Moscow.
- Gibbon, E. 2008: *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Vol. I. Moscow.
- Grant, M. 1998: *The Roman Emperors: a Biographical Guide to the Rulers of Rome 31 BC–476 AD*. Moscow.
- Jones, A.H.M. 1965: *Constantine and the Conversion of Europe*. London.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Leadbetter, B. 2002: The illegitimacy of Constantine and the birth of the tetrarchy. In: Samuel N.C. Lieu and Dominic Montserrat (eds.), *Constantine. History, Historiography and Legend*. London–New York, 74–85.
- Odahl, Ch. M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Sergeev, V.S. 1938: *Ocherki istorii Rimskoy imperii*. Vol. II. Moscow.
- Tyulenev, V.M. 2004: Pavel Oroziy i ego “Istoriya protiv yazychnikov”. In: *Paulus Orosius. Historiae adversum paganos*. Saint-Petersburg.

- Tyulenev, V.M. 2005: *Birth of the Latin Christian Historiography: With a translation of the "Church History" by Rufinus of Aquileia*. Saint-Petersburg.
- Vashcheva, I.Yu. 2013: Constantine the Great: Variations of the Character in the Christian Histories of Late Antiquity. *Vestnik of Lobachevski State University of Nizhni Novgorod* 4 (3), 46–58.
- Zecchini, G. 2003: Latin Historiography: Jerome, Orosius and the Western Chronicles. In: Gabriele Marasco (ed.), *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* Leiden–Boston, 31–345.

CONSTANTINE THE GREAT IN THE "HISTORIA ADVERSUM PAGANOS"
BY PAULUS OROSIUS

Ivan A. Mirolubov

*Lomonosov Moscow State University, Russia,
peter-herzog@yandex.ru*

Abstract. Paulus Orosius addressed his universal research "Historiae Adversum Paganos" in seven volumes to heathens. His main objective lays in demonstrating healthy influence of Christianity on the world historical process. The work was written a century after the age of Constantine the Great, so by that time, the Christian author had at his disposal an impressive collection of sources, which enabled him to create a relatively informative narration devoted to the personality and time of the first Christian Emperor. However, due to the fact that Constantine's biography included a number of obviously unflattering moments (obscure origin, participation in internal wars for individual rule, which often turned in massacre, murder of relatives, unclear attitude towards Arian heresy) the task set by historian proved to be much more complicated. Addressing hostile audience, Orosius was deprived of the opportunity to distort and stretch the facts of common knowledge. Therefore, he made efforts to performing meticulous work on getting priorities straight, and the image of Constantine the Great crafted by him met the requirements of both historical objectiveness and idealization task.

The paper by Orosius has not yet been considered by major scholars as an informative source so far. Meanwhile, analyzing the image of the first Christian Emperor crafted by Orosius may help to understand how Romans perceived the Age of Late Empire and viewed personality of Constantine the Great. By today, the work by Orosius has been analyzed in relation to the aforementioned issue only in the article by Russian historian I. Yu. Vashcheva, yet the researchers have not paid due attention to it, considering this paper along with other works by Christian authors of the mentioned period.

Key words: Roman Empire, Paulus Orosius, Constantine the Great, Early Christianity, emperor, ideology
